Неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис: соотношение и разграничение понятий

Салеев Эмиль Радикович
Магистр, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), saleevemil913@gmail.com

В статье анализируются три ключевых понятия российского банкротного права – неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис. На основе системного анализа легальных определений, судебной практики, научной литературы и сравнительно-правового анализа обосновывается, что все три понятия описывают одно и то же экономическое явление – фактическую несостоятельность должника. Показано, что их разграничение носит искусственный характер, порождено судебным правотворчеством, не имеет устойчивых объективных критериев и создает правовую неопределенность. Предлагается унификация терминологического аппарата с сохранением категории неплатежеспособности как основного критерия, отражающего сущность несостоятельности.

Ключевые слова: неплатежеспособность, объективное банкротство, имущественный кризис, субординация требований кредиторов, недостаточность имущества, несостоятельность, банкротство, сравнительное правоведение.

Введение

Российское законодательство о банкротстве и судебная практика оперируют множеством терминов, призванных характеризовать кризисные состояния юридического лица. Наряду с легальными понятиями неплатежеспособности и недостаточности имущества (абз. 37 и 36 ст. 2 Закона о банкротстве [1]) Верховным Судом РФ в 2017 – 2020 годах были введены понятия «объективное банкротство» [2] и «имущественный кризис» [3].

Как справедливо отмечают И.В. Стасюк и А.С. Улезко, «позиции судов всех уровней, в том числе Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, связанные с установлением признаков неплатежеспособности, недостаточности имущества, объективного банкротства, имущественного кризиса и др., также противоречивы и не всегда последовательны [4, С. 9]. Это порождает серьезные проблемы правоприменения – от противоречивых подходов в разных обособленных спорах одного дела до невозможности для контролирующих лиц объективно определить момент возникновения обязанности подать заявление о банкротстве.

Цель настоящей статьи – на основе анализа доктринальных позиций, судебной практики и зарубежных подходов доказать, что неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис по своей экономической сущности описывают одно и то же явление, а их искусственное выделение в юридической плоскости является следствием судебного правотворчества, не имеющего достаточных классификационных оснований.

Содержание понятий «неплатежеспособность», «недостаточность имущества», «объективное банкротство» и «имущественный кризис»

Согласно абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве под неплатежеспособностью понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (при этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное). Согласно абз. 36 ст. 2 Закона о банкротстве недостаточность имущества – превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника.

Указанные две категории банкротного права, ставшими традиционными для российского правоприменителя, были известны еще в дореволюционном российском праве в виде прекращения платежей (неплатежеспособности) и неоплатности долга или платежной неспособности (предполагаемой недостаточности имущества) [5, С. 109].

При этом в науке выделяют относительную неплатежеспособность, которая означает временную неспособность лица исполнять денежные обязательства и абсолютную неплатежеспособность, которая, напротив, означает, что неспособность лица исполнять денежные обязательства не носит временный характер [6] [7].

Категории объективного банкротства и имущественного кризиса являются относительно новыми категориями для российского банкротного права и не закреплены на законодательном уровне, являясь результатом судебного правотворчества.

Впервые понятие «объективного банкротства» было введено в деле о банкротстве ООО «Каркас» [8] и определялось как критический момент, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 определение было изменено: объективное банкротство – это неспособность должника «в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов» [2].

Как подчеркивают И.В. Стасюк и А.С. Улезко, объективное банкротство сходно с неплатежеспособностью в том, что оба этих явления означают неспособность компании отвечать по своим обязательствам по определенным причинам, единственное различие между ними – в объеме обязательств, которые должник не может исполнить. При неплатежеспособности речь идет о части денежных обязательств, а при объективном банкротстве должник не может исполнить все обязательства, как с наступившим, так и с ненаступившим сроком исполнения, включая неденежные обязательства [4, С. 84].

Еще одно понятие, выработанное Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 (далее – «Обзор по субординации»), характеризуется как имущественный кризис [3].

Под ним в п. 3.1. Обзора по субординации понимается трудное экономическое положение, описанное в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, обязывающее должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом.

Таким образом, в российском банкротном праве имеется несколько понятий, характеризующих неблагоприятное экономическое состояние должника. Однако, в доктрине и судебной практике нет единства мнений относительно их соотношения и разграничения, в особенности в отношении объективного банкротства и имущественного кризиса. На наш взгляд, выделение данных понятий является искусственным, а по своей правовой природе они обозначают одно и то же экономическое явление – фактическую несостоятельность должника, что находит отражение в доктрине и судебной практике.

Имеющиеся в доктрине подходы к соотношению понятий

Согласно первому подходу понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис» не являются равнозначными. В литературе отмечается, что «различие между этими двумя понятиями состоит в том, что «имущественный кризис» имеет множество проявлений, тогда как «объективное банкротство» возможно исключительно в ситуации превышения общего объема обязательств должника над стоимостью его имущества. Таким образом, имущественный кризис как юридическая ситуация возможен и в условиях достаточности активов должника» [9, С. 221]. При этом предложением ранее авторы исследования признают, что при обозначении одной и той же правовой ситуации в практике Верховного Суда РФ встречается применение разных терминов.

А.И. Шайдуллин и Р.Т. Мифтахутдинов обращаются к буквальному толкованию положений Обзора по субординации и указывают, что «сам факт того, что в Обзоре не используются понятия «неплатежеспособность» и (или) «объективное банкротство», а вводится новый термин «имущественный кризис», должен сподвигать на мысль, что это не тождественные явления. Иначе это было бы неоправданным умножением сущностей. В данном случае зашифрована именно такая «трудная экономическая ситуация», когда признаков банкротства еще как таковых может и не быть» [10].

В пользу данного подхода также свидетельствуют проведенные специалистами в области судебной экспертизы статистические данные, согласно которым различаются даты возникновения признаков объективного банкротства, неплатежеспособности и имущественного кризиса [11]. При этом, согласно проведенным исследованиям, сначала у компаний наступает имущественный кризис, затем появляются признаки неплатежеспособности и впоследствии компании впадают в объективное банкротство.

На данное обстоятельство также указывают И.В. Стасюк и А.С. Улезко, согласно точке зрения которых имущественный кризис может наступить и раньше, когда неплатежеспособности, недостаточности имущества и объективного банкротства еще нет [4, С. 91].

Между тем данный подход представляется не совсем верным.

Как указывает Беломытцева О.С., термин «объективное банкротство» – это попытка законодателя объединить понятия «неплатежеспособность» и «недостаточность имущества» [12]. При этом ученый в другой работе разграничивает понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис», указывая, что имущественный кризис предшествует объективному банкротству [13].

А.В. Ефимов рассматривает понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис» в качестве синонимов. Он подчеркивает, что, «несмотря на некоторую сомнительность такого отождествления, в пользу такого тезиса говорит то, что, ссылаясь на абз. 7 подп. 3.1 п. 3 Обзора, суды под имущественным кризисом понимают наличие одного из обстоятельств, которые влекут обязанность руководителя должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом и которые указаны п. 1 ст. 9 Закона о несостоятельности» [14].

Оригинальной представляется точка зрения И.М. Шевченко, согласно которой под объективным банкротством следует понимать ту же неплатежеспособность, но наступившую в определенный момент в прошлом, т.е. до формального введения процедур банкротства. Ученый обращает внимание на то, что предусмотренные п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве обстоятельства, с наступлением которых закон обязывает руководителя должника обратиться с заявлением о банкротстве должника (например, неспособность покрыть долги по заработной плате), по существу, являются неплатежеспособностью [15, С. 49].

При этом Обзор по субординации при описании имущественного кризиса также исходит из наступления предусмотренных п. 1 ст. 9 Закона о банкротства обстоятельств.

В связи с этим, представляется, что выведение понятий «объективное банкротство» и «имущественный кризис» как раз является тем неоправданным умножением сущностей, на которое указывают А.И. Шайдуллин и Р.Т. Мифтахутдинов, а под данными понятиями так или иначе подразумеваются неплатежеспособность и недостаточность имущества должника.

Соотношение и разграничение понятий в судебной практике

В судебной практике также были предприняты попытки разграничения понятий «объективное банкротство» и «имущественный кризис».

Так, в деле о банкротстве ООО «Управляющая компания «Авентин» суд отметил, что «при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника по основаниям, установленным в статье 61.12 Закона о банкротстве, следует

отличать такие экономические понятия как имущественный кризис (деятельность должника продолжается, но в имущественном кризисе, с низкими экономическими показателями) и объективное банкротство (при наличии/отсутствие деятельности - это точка невозврата, после прохождения которой, должнику невозможно вернуться к нормальной предпринимательской деятельности)» [16].

В деле о банкротстве ООО «Ивмолокопродукт» при рассмотрении заявления о процессуальном правопреемстве суд согласился с доводами конкурсного управляющего о том, что нельзя отождествлять понятия «имущественный кризис» и «объективное банкротство». Суд констатировал следующее: «термин «имущественный кризис» впервые использован в разъяснениях Верховного Суда РФ, сформулированных в Обзоре от 29.01.2020. Само по себе введение данного термина указывает на то, что он не тождественен понятию «объективное банкротство» (если бы эти понятия совпадали, не было бы необходимости вводить новый термин). И по смыслу приведенных в Обзоре разъяснений также следует, что «имущественный кризис» не равен «объективному банкротству»». Суд пришел к выводу, что имущественный кризис – это состояние хозяйственного общества до объективного банкротства, которое (в отличие от объективного банкротства) может быть преодолено [17].

Между тем, представляется, что и состояние объективного банкротства может быть преодолено в случае успешного выполнения экономически обоснованного плана по выходу общества из кризиса, в связи с чем данный критерий не может быть использован для разграничения данных понятий.

В деле о банкротстве ООО «Дирекция эксплуатации зданий» суд подчеркнул, что «понятие «объективное банкротство» включает единственный критерий - превышение размера всех обязательств должника над реальной стоимостью активов, в то время как «имущественный кризис» является многокомпонентным понятием, включающим в себя «объективное банкротство». Следовательно, отсутствие «имущественного кризиса» исключает наличие «объективного банкротства»» [18].

Суды также неоднократно ссылаются на то, что «несмотря очевидное сходство со спорами о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу или несвоевременную подачу заявления должника (статья 61.12 Закона о банкротстве), оценка состояния должника для целей субординации имеет ряд важных особенностей.

Понятие имущественного кризиса, определяемое Верховным Судом Российской Федерации как «трудное экономическое положение», не исчерпывается обстоятельствами, при наступлении которых руководитель должника обязан подать заявление о банкротстве. Это находит отражение и в определении Верховным Судом Российской Федерации от 19.10.2020 № 307-ЭС20-6662(4), где суд формулирует данную часть предмета доказывания более широким образом, ссылаясь на необходимость оценки имущественного положения должника в момент получения им финансирования.

Имущественное положение может быть признано кризисным и в ситуации, когда общество остается платежеспособным и имеет достаточно имущества для исполнения обязательств перед имеющимися кредиторами, но в будущем предвидится возникновение новых требований, для удовлетворения которых имущества общества может оказаться недостаточно. Для констатации имущественного кризиса будущее объективное банкротство необязательно должно быть неизбежным. Достаточно установления реальной возможности такого исхода при отсутствии дополнительных негативных факторов» [19] [20].

В то же время, в некоторых судебных актах по спору о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности встречается указание на то, что момент появления признаков имущественного кризиса у должника уже установлен в обособленном споре о включении в реестр требований кредиторов, в связи с чем суды учитывают указанную дату при определении даты объективного банкротства [21] [22].

Показательным является дело о банкротстве АО «Промстрой». В рамках данного дела ООО «Амурский ГХК» обратилось с требованием о включении в реестр задолженности по возврату аванса, перечисленного должнику в период с апреля 2020 по март 2022 года по договору подряда. Определением от 24.01.2024 требование было признано обоснованным, но подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (субординировано), поскольку суд пришёл к выводу о предоставлении должнику компенсационного финансирования в условиях имущественного кризиса, наступившего, по мнению суда, в период с 22.10.2021 по 13.09.2022. Впоследствии в рамках иного обособленного спора о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности определением от 27.01.2025 было установлено, что объективное банкротство должника наступило не ранее 30.09.2022. ООО «Амурский ГХК» обратилось с заявлением о пересмотре определения о субординации по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на противоречие в определении даты кризиса.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в пересмотре, однако Арбитражный суд Московского округа отменил эти акты и направил спор на новое рассмотрение, указав следующее: «учитывая, что обстоятельства, связанные с датой возникновения у должника признаков объективного банкротства, имеют существенное значение для квалификации требований аффилированного кредитора применительно к положениям Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, наличии конкуренции судебных актов относительно данных обстоятельств, следует согласиться с доводами кредитора о том, что в данном случае изложенные в определении суда от 27.01.2025 выводы являются существенными, способными повлиять на результаты рассмотрения требования ООО «Амурский ГХК» в части определения его очередности». Суд кассационной инстанции также прямо указал, что «даты наступления имущественного кризиса у должника не могут быть установлены в различные периоды в одном деле о банкротстве» [23].

Тем самым суд округа de facto признал, что имущественный кризис и объективное банкротство – это одно и то же состояние, которое должно определяться единообразно в рамках всего дела о банкротстве, а их искусственное разграничение порождает внутреннюю противоречивость судебных актов и правовую неопределенность, что подтверждает необходимость унификации терминологического аппарата банкротного права.

Ранее в деле о банкротстве ОАО «Трансаэро» Арбитражный суд Северо-Западного округа подчеркивал, что в рамках одного дела о банкротстве должника при рассмотрении обособленных споров не может быть разных подходов к определению начала периода признаков неплатежеспособности, объективного банкротства [24].

Таким образом, в судебной практике подходы к соотношению изложенных понятий также неоднородны.

Анализ зарубежных подходов Германии и Австрии

Немецкий и австрийский законодатели не используют понятие «объективное банкротство». На наш взгляд, понятие «объективное банкротство» призвано лишь подчеркнуть определение имущественного кризиса юридического лица с точки зрения объективных критериев.

Как указывает А.И. Шайдуллин применительно к австрийскому законодательству, «в § 2 Закона о замещении капитала (прим. автора – Австрии) раскрыто содержание понятия «кризис общества». Под ним понимается: неплатежеспособность (Zahlungsunfähigkeit) (§ 66 Положения Австрии о несостоятельности)), несостоятельность (или «сверхзадолженность») (Überschuldung) (§ 67 Положения Австрии о несостоятельности)), а также ситуация, когда коэффициент обеспеченности собственным капиталом (§ 23 Федерального закона Австрии о реорганизации компаний (Bundesgesetz über die Reorganisation von Unternehmen vom 12. September 1997) (далее – Закон о реорганизации компаний)) общества составляет менее 8 %, а предполагаемый срок погашения задолженности (§ 24 Закона о реорганизации компаний) – более 15 лет, кроме случаев, когда при этом общество не нуждается в реорганизации. **Иными словами, это ситуация, когда наступает объективное банкротство общества и, соответственно, возникает обязанность подачи заявления о собственной несостоятельности** (прим. – выделено автором)» [10] [25, С. 144].

Таким образом, в немецком и австрийском праве отсутствует понятие «объективное банкротство» как самостоятельная категория, а кризисное состояние общества описывается через неплатежеспособность и сверхзадолженность (недостаточность имущества).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические выводы и практические предложения.

1. В российском банкротном праве сложилась парадоксальная ситуация: легальная дефиниция неплатежеспособности (абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве) и судебные конструкции объективного банкротства и имущественного кризиса, при формально-юридическом различии, описывают один и тот же феномен – фактическую утрату должником экономической способности исполнять свои обязательства. Содержательные различия между ними носят не сущностный, а процедурно-измерительный характер: различаются лишь объем учитываемых обязательств, способ оценки активов и момент фиксации состояния. Указанные параметры не образуют самостоятельных классификационных критериев, а следовательно, не могут служить основанием для выделения обособленных правовых категорий.

2. Доктринальный анализ свидетельствует об отсутствии единой концептуальной основы для разграничения исследуемых понятий. Имеющиеся в литературе подходы либо признают их тождественность, либо констатируют стадиальность процесса ухудшения финансового положения, что не позволяет провести между ними четкую демаркационную линию. Выделение объективного банкротства и имущественного кризиса, будучи результатом судебного правотворчества, не подкреплено убедительной теоретической аргументацией и не имеет системного догматического обоснования. В сущности, имеет место неоправданное умножение терминологических конструкций при отсутствии объективной потребности в их дифференциации.

3. Судебная практика по вопросу соотношения анализируемых понятий отличается внутренней противоречивостью. В одних спорах суды предпринимают попытки их разграничения, в других – фактически отождествляют, руководствуясь прагматическими соображениями единообразия правоприменения. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что различие понятий носит искусственный, конвенциональный характер и не имеет опоры в объективной экономической реальности.

4. Сравнительно-правовой анализ немецкого и австрийского законодательства подтверждает, что в правопорядках с развитой и непротиворечивой доктриной банкротного права не происходит множественного терминологического дробления. Кризисное состояние общества описывается через неплатежеспособность и сверхзадолженность, причем последняя рассматривается как производная от первой и не образует самостоятельной категории. Отсутствие в немецком и австрийском праве понятий «объективное банкротство» и «имущественный кризис» не создает проблем для регулирования субординации требований и привлечения к субсидиарной ответственности, что опровергает тезис об их необходимости для эффективного правового регулирования.

5. Исходя из изложенного, представляется теоретически обоснованным и практически целесообразным исключить из правового дискурса понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис», сохранив в качестве единого критерия несостоятельности категорию неплатежеспособности. При этом содержательное наполнение последней должно определяться не через формальные признаки (размер и срок задолженности), а через реальную способность должника исполнять свои обязательства, оцениваемую на основе объективных экономических показателей. Предлагаемая унификация терминологического аппарата соответствует фундаментальным принципам правовой определенности, стабильности и предсказуемости правового регулирования, а также позволяет устранить системные противоречия, возникающие при использовании множественных, но неразличимых по содержанию категорий.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

3. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

4. Кризисные состояния юридического лица в российском банкротном праве / И. В. Стасюк, А. С. Улезко. – Москва : Статут, 2022. – 158 с.

5. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – Москва : Статут, 2021. – 477 с. – (Классика российской цивилистики.).

6. Кораев К.Б. Неплатежеспособность - новый институт современного права // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 19 - 22.

7. Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24 - 30.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17-1801 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А.

И. -Ковлер, Р. А. Курбанов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; предисловие И. Л. Подносовой. – 2-е изд., доп. – Москва : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 452 с.

10. Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3 – 136.

11. Жарский И.П., Егорова О.Ф., Акифьев А.А. О соотношении дат ключевых событий процесса банкротства юридических лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 9. С. 23 - 35.

12. Беломытцева О.С. Определение даты возникновения неплатежеспособности должника в делах о банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 60 - 70.

13. Беломытцева О.С. Практические аспекты применения методики определения даты объективного банкротства организации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 4. С. 24 – 31.

14. Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. Москва: Проспект, 2024. 376 с.

15. Шевченко И.М. Неплатежеспособность, недостаточность имущества, объективное банкротство: соотношение понятий // Российская юстиция. 2022. № 6. С. 43 – 50.

16. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2024 № 21АП-2735/2020 по делу № А83-13338/2020 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Арбитражного суда Ивановской области от 14.11.2023 по делу № А17-846/2022 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2024 № 10АП-20100/2024 по делу № А41-98875/2019 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2025 № 13АП-9710/2025 по делу № А56-52666/2024/вст.2 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2025 № 13АП-9708/2025 по делу № А56-52666/2024/тр.18 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.07.2022 № Ф07-8704/2022 по делу № А66-9583/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2023 № 07АП-11151/19(21) по делу № А27-2884/2019 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2026 № Ф05-34087/2023 по делу № А40-235190/2022 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.09.2019 № Ф07-10826/2019 по делу № А56-75891/2015 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Шайдуллин А.И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 251 с.

Insolvency, objective bankruptcy and financial crisis: correlation and distinction of concepts

Saleev E.R.
Kutafin Moscow State Law University

This article analyzes three key concepts of Russian bankruptcy law – insolvency, objective bankruptcy, and financial crisis. Based on a systematic analysis of legal definitions, judicial practice, scholarly literature, and comparative legal analysis, it is demonstrated that all three concepts describe the same economic phenomenon – the actual insolvency of the debtor. It is shown that their differentiation is artificial, originated from judicial law-making, lacks stable objective criteria, and creates legal uncertainty. The unification of the terminological framework is proposed, preserving the category of insolvency as the main criterion reflecting the essence of insolvency.

Keywords**:** insolvency, objective bankruptcy, financial crisis, subordination of creditors' claims, insufficiency of assets, insolvency, bankruptcy, comparative law.

References

1. On insolvency (bankruptcy): Federal Act of 26 October 2002. 127-FZ // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 4190.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of 21 December 2017 “On Certain Issues Related to Bringing Controlling Persons of a Debtor to Liability in Bankruptcy” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 3.
3. Review of Judicial Practice on Resolution of Disputes Concerning the Establishment, in Bankruptcy Proceedings, of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated with It (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29 January 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 7.
4. Stasyuk I.V., Ulezko A.S. Crisis States of a Legal Entity in Russian Bankruptcy Law. Moscow: Statut, 2022. 158 p.
5. Shershenevich G.F. Bankruptcy Procedure. 3rd ed. Moscow: Statut, 2021. 477 p. (Classics of Russian Civil Law).
6. Koraev K.B. Insolvency – a New Institution of Modern Law // Russian Justice. 2016. No. 9. P. 19–22.
7. Karelina S.A. Economic Essence of Insolvency and the Legal Form of Its Implementation // Business Law. 2019. No. 2. P. 24–30.
8. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES17-1801 of 20 July 2017 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system “ConsultantPlus”.
9. Doctrinal Foundations of the Jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation : monograph / T. Y. Khabrieva, A. I. Kovler, R. A. Kurbanov ; ed. by T. Y. Khabrieva ; preface by I. L. Podnosova. — 2nd ed., exp. — Moscow : ILCL: Norma : INFRA-M, 2025. — 452 p.
10. Miftakhutdinov R.T., Shaidullin A.I. Reduction in Priority (Subordination) of Claims of Persons Controlling the Debtor or Affiliated with It in Russian Bankruptcy Law. Scientific and Practical Commentary on the Review of Judicial Practice on Resolution of Disputes Concerning the Establishment, in Bankruptcy Proceedings, of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated with It, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29 January 2020 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Supplement to the Monthly Journal. 2020. No. 9. Special Issue. P. 3–136.
11. Zharsky I.P., Egorova O.F., Akifyev A.A. On the Correlation of the Dates of Key Events in the Bankruptcy Process of Legal Entities // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 9. P. 23–35.
12. Belomytseva O.S. Determining the Date of the Onset of the Debtor’s Insolvency in Bankruptcy Cases // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 9. P. 60–70.
13. Belomytseva O.S. Practical Aspects of the Application of the Methodology for Determining the Date of Objective Bankruptcy of an Organization // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 4. P. 24–31.
14. Efimov A.V. The Influence of Economic Characteristics (Indicators) on the Legal Status of Legal Entities: monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 376 p.
15. Shevchenko I.M. Insolvency, Insufficiency of Assets, Objective Bankruptcy: Correlation of Concepts // Russian Justice. 2022. No. 6. P. 43–50.
16. Resolution of the Twenty First Arbitration Court of Appeal No. 21AP-2735/2020 of 9 December 2024 in case No. A83-13338/2020 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system “ConsultantPlus”.
17. Ruling of the Arbitration Court of Ivanovo Oblast No. A17-846/2022 of 14 November 2023 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system “ConsultantPlus”.
18. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal No. 10AP-20100/2024 of 30 October 2024 in case No. A41-98875/2019 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system “ConsultantPlus”.
19. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal No. 13AP-9710/2025 of 3 July 2025 in case No. A56-52666/2024/vst.2 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
20. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal No. 13AP 9708/2025 of 3 July 2025 in case No. A56-52666/2024/tr.18 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".

21. Resolution of the Arbitration Court of the North Western District No. F07 8704/2022 of 19 July 2022 in case No. A66-9583/2016 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
22. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal No. 07AP 11151/19(21) of 26 April 2023 in case No. A27-2884/2019 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05-34087/2023 of 9 February 2026 in case No. A40-235190/2022 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system “ConsultantPlus”.
24. Resolution of the Arbitration Court of the North Western District No. F07-10826/2019 of 2 September 2019 in case No. A56-75891/2015 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system “ConsultantPlus”.
25. Shaidullin A.I. Subordination of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated Persons in Bankruptcy Proceedings of Commercial Companies: PhD Thesis in Law. Moscow, 2022. 251 p.